

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.035

**Институт добровольного отказа от преступления
в уголовном праве России: противоречия доктринального
толкования и юридической практики**

Маркин Даниил Николаевич

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,
410028, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: dan-mark-n@mail.ru

Ушаков Руслан Михайлович

Студент,

Саратовская государственная юридическая академия,
410028, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: rafikov.ruslan@list.ru

Аннотация

В статье системно исследуется институт добровольного отказа от преступления, рассматриваются его легальные и доктринальные критерии с учетом возникающих на практике противоречий; приводятся точки зрения и основные аргументы сторонников и противников допустимости добровольного отказа на стадиях неоконченного и оконченного покушения. На основании проведенного анализа законодательства, судебной практики и положений уголовно-правовой доктрины обосновывается авторская позиция в отношении статуса и перспектив развития данного элемента уголовно-правового механизма. Выявлена необходимость устранения ряда дефектов легальной конструкции добровольного отказа от преступления и предложены соответствующие изменения в законодательство, аргументирована потребность в проведении праворазъяснительной работы Верховного Суда Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Маркин Д.Н., Ушаков Р.М. Институт добровольного отказа от преступления в уголовном праве России: противоречия доктринального толкования и юридической практики // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А. С. 315-323. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.035

Ключевые слова

Добровольный отказ от преступления, добровольность, окончательность, своевременность, состав преступления, неоконченное преступление, покушение на преступление.

Введение

Вопросы единого понимания и применения института добровольного отказа от преступления по-прежнему остаются весьма дискуссионными в теории и практике уголовного права. Анализом положений рассматриваемого института в системе отечественного уголовного права занимались многие ведущие советские и российские правоведы: А.Г. Антонов, Т.Н. Дронова, В.А. Елеонский, И.Э. Звечаровский, В.Д. Иванов, А.В. Наумов, А.И. Орлова, К.А. Панько, Д.А. Пархоменко, В.В. Питецкий, А.И. Плотников, В.В. Сверчков, А.И. Ситникова, И.А. Тарханов, А.А. Шакирова, С.В. Шевелева и др.

Несмотря на обширный перечень научно-исследовательских работ, посвященных данной тематике, и многолетний опыт органов правоохранительной системы, следует констатировать, что в настоящее время полноценное определение дефиниции добровольного отказа от преступления и его реализация на практике сопряжены с необходимостью преодоления ряда противоречий, и прежде всего — в аспектах допустимости признания добровольного отказа на стадии покушения (оконченного и неоконченного) и в делах с материальным и формальным составами, что требует комплексного подхода к анализу действующих законодательных норм, правоприменительной практики и доктринальных концепций.

Существующие контрверсы правового регулирования добровольного отказа от преступления препятствуют достижению цели единства правоприменительной практики и негативно отражаются на состоянии защищенности прав и свобод граждан. Между тем данное обстоятельство имеет судьбоносное значение для обвиняемых лиц — от правильной квалификации деяния напрямую зависит наступление уголовной ответственности (в случае, если деяние признают уголовно наказуемым покушением) либо же ее полное отсутствие (при установлении наличия добровольного отказа от преступления). В этой связи исследования, направленные на выявление и устранение расхождений в законодательной конструкции института добровольного отказа, а также посвященные способам достижения унификации практики его применения, не теряют актуальности.

Основное содержание

По смыслу ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) добровольным отказ от преступления будет в том случае, если лицо по собственной воле прекратило действия, направленные на получение преступного результата, при осознании им реальной возможности доведения преступления до конца. Таким образом, в УК РФ прямо указано 3 признака рассматриваемого института: добровольность, окончательность и осознание возможности доведения до конца начатого преступления. В уголовно-правовой доктрине, кроме названных, выделяется также признак своевременности [Ситникова, 2006, 124-125].

Можно с уверенностью утверждать, что в современной теории и практике применения УК РФ отсутствует единообразие в интерпретации ключевых признаков анализируемого института.

Понимание критерия добровольности зачастую представляет значительные сложности для правоприменителя. Во-первых, весьма неоднозначным является вопрос о влиянии препятствий (к примеру, действий третьих лиц или недоброкачества средств совершения преступления) к доведению преступления до конца на свободу волеизъявления лица при отказе от преступления. В уголовно-правовой литературе данные препятствия в зависимости от их характера условно разделяются на непреодолимые и затрудняющие (особо отметим, что в

ракурсе уголовного процесса не теряет актуальности проблема разграничения и доказывания роли каждого конкретного препятствия при неоконченном преступлении) [Шакирова, 2006, 20]. Следует признать, что при наличии непреодолимых препятствий отказ будет всегда вынужденным, поскольку в данном случае в силу объективных причин исключается свобода волеизъявления лица [Дронова, 2011, 128].

Во-вторых, изначальное волеизъявление лица может быть деформировано под воздействием конкретной (вынуждает лицо действовать определенным образом) либо абстрактной (присуще добровольному поведению, например, при воззвании к совести со стороны третьих лиц, боязни уголовной ответственности) возможности быть разоблаченным, что представляет определенную сложность при квалификации деяния (существует риск их «смещения», а следовательно — вынесения ошибочного решения, которое потенциально будет отменено в вышестоящей инстанции). По справедливому мнению А.И. Плотникова, при существовании реальной возможности быть разоблаченным или при потере лицом контроля над ходом событий следует констатировать, что преступление будет прекращено исходя не из внутренних побуждений, а под влиянием внешних обстоятельств, вынуждающих поступить определенным образом, что не соответствует понятию добровольности и должно квалифицироваться как неоконченное преступление на стадии покушения [Плотников, 2007, 317]. Вместе с тем отметим, что согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) инициатива добровольного отказа может исходить от третьих лиц (в том числе и сотрудников правоохранительных органов)¹, поэтому ключевым, первичным критерием в анализируемой ситуации, на наш взгляд, должно являться осознание субъектом возможности довести деяние до конца при существовании определенной диспозитивности, свободы выбора варианта собственного поведения.

Признак окончательности в рамках добровольного отказа от преступления выражается в том, что лицо прекращает начатое преступное деяние в полном объеме и навсегда. Согласно позиции С.В. Шевелевой, если первоначально не доведение преступления до конца было связано с обстоятельствами объективной природы (отсутствие необходимых сил, орудий, средств), не зависящими от воли виновного или его усилий, но преступная деятельность могла быть продолжена с иными силами, орудиями и средствами, доставленными позже, добровольным отказ будет только в том случае, если лицо, имея возможность это сделать, отказывается от преступного посягательства. Если же оно лишь временно прекращает реализацию преступного умысла, или продолжение преступления в будущем невозможно или небезопасно, то добровольный отказ отсутствует, а такое деяние необходимо рассматривать в качестве покушения на преступление, отказ же от повторного преступного посягательства может учитываться в ходе судебного разбирательства [Шевелева, 2015, 224-225]. В этой связи считаем разумным поддержать мнение И.Э. Звечаровского о необходимости внесения в ч. 1 ст. 61 УК РФ такого нового обстоятельства, смягчающего наказание, как «неудавшийся добровольный отказ от доведения преступления до конца» [Звечаровский, 2008, 47].

Противоположной С.В. Шевелевой точки зрения придерживается В.В. Питецкий: концепция добровольного отказа от преступления, во-первых, является поощрительным инструментом оценочного характера, а во-вторых, вопрос о добровольности должен решаться с учетом конкретных обстоятельств дела (и независимых от субъекта обстоятельств), а также

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.01.2013 № 33-012-36 // СПС «КонсультантПлюс».

осознания лицом возможности доведения преступления до конца (при этом не важно, соответствовали ли этому объективные факторы) [Питецкий, 2008, 35]. В качестве подтверждения своей позиции он приводит мнения федеральных судей по теоретической ситуации: Н. проник в квартиру с целью совершения убийства, однако был замечен очевидцем. После того, как Н. вытащил пистолет, взвел затвор и прицелился в свою жертву, в дверь начали стучаться жильцы дома. Испугавшись, он не стал стрелять и покинул квартиру через балкон. Свое заключение представленному казусу дали 15 судей, из которых 11 признали бы добровольный отказ, а 4 осудили бы Н. за покушение на убийство. Таким образом, единая позиция по определению двух главных критериев — добровольности и окончательности — отсутствует как в теории уголовного права, так и в практике применения уголовного закона, поскольку не регламентирован приоритет субъективного или объективного подхода при определении отказа от доведения деяния до конца. На наш взгляд, именно субъективный подход, несмотря на процессуальные сложности определения свободы волеизъявления лица, должен стать ведущим в уголовном судопроизводстве, поскольку именно он в полной мере позволяет оценить критерии наличия добровольного отказа с позиции направленности воли и действий обвиняемого, а также наиболее полно согласуется с руководящими принципами современного уголовного права: законностью, справедливостью, гуманизмом.

Наиболее дискуссионным признаком добровольного отказа от преступления (как в советской уголовно-правовой доктрине, так и в современной) является своевременность. Добровольный отказ невозможен на стадии оконченного преступления, что закрепляется в самом определении, данном законодателем, и подтверждается в практике применения данной нормы. Возможность отказа на стадии приготовления не вызывает споров, но теоретически неразрешимым остается вопрос относительно стадии покушения. В современной уголовно-правовой науке существует два подхода к данному вопросу — добровольный отказ возможен исключительно на стадии неоконченного покушения либо же допускается при оконченном.

Сторонниками первой позиции приводятся следующие аргументы: 1) при оконченном покушении лицо теряет полный контроль над развитием ситуации, а следовательно, наступление последствий зависит в большей степени от внешних обстоятельств [Наумов, 2004, 285]; 2) с позиции оценивания свободы воли добровольный отказ возможен только на стадии неоконченного покушения и выражается в воздержании от преступного деяния [Шевелева, 2015, 226]; 3) даже когда субъект сохраняет возможность вмешаться в дальнейший ход событий, он может лишь предотвратить наступление преступного результата, но не отказаться от содеянного [Панько, 1975, 67-69].

Оппоненты вышеуказанной точки зрения придерживаются иного мнения. Так, В.Д. Иванов считал, что при оконченном покушении добровольный отказ может и должен выражаться в активных действиях лица, в результате которых успешно предотвращаются вредные последствия [Иванов, 1991, 63]. Следовательно, добровольный отказ возможен на стадии оконченного покушения при отдельных материальных составах преступления, когда в силу физической природы совершенное деяние не вызвало наступление преступного результата, а виновный своими действиями предотвратил наступление общественно опасных последствий. В этой связи представляет определенный интерес формальный подход, примененный Д.А. Пархоменко, в соответствии с которым при применении добровольного отказа необходимо апеллировать не к теории вопроса, а к уголовному закону, в соответствии с которым принципиально допускается добровольный отказ на стадии покушения, при этом градация на промежуточные этапы (оконченное и неоконченное покушения) отсутствует. Считаем

справедливым согласиться с его точкой зрения: «в рамках действующего уголовного законодательства полемика о допустимости добровольного отказа на стадии оконченного покушения представляется безосновательной в теоретическом плане и недопустимой на правоприменительном уровне» [Пархоменко, 2016, 95]. Данная позиция соответствует принципу законности, поскольку правоприменитель в первую очередь должен руководствоваться УК РФ, а не доктринальными источниками, носящими рекомендательный характер, что, однако, не исключает необходимости дальнейшего совершенствования законодательной конструкции института добровольного отказа от преступления и унификации практики его применения с учетом рекомендаций современной уголовно-правовой науки.

Т.Н. Дронова считает возможным добровольный отказ от преступления как при материальном, так и при формальном составах, при условии совершения лицом всех действий (бездействия), непосредственно направленных на предотвращение исполнения преступления [Дронова, 2011, 129]. Верховный Суд РФ в своих решениях признает возможность отказа при формальном составе, в частности, когда лицо, дистанционно координирующее сбыт наркотиков (ст. 228.1 УК РФ), сообщает информацию о месте передачи в правоохранительные органы². Обобщая вышесказанное, полагаем верным допускать возможность добровольного отказа на стадии оконченного покушения при всех материальных составах, когда виновный своими действиями предотвращает наступление последствий, а также в ряде формальных составов, конкретный перечень которых необходимо закрепить в праворазъяснительных актах Верховного Суда РФ.

Весьма дискуссионным в научной среде является вопрос определения юридических последствий добровольного отказа от преступления. Так, ряд исследователей полагают, что в ч. 2 ст. 31 УК РФ устанавливается одно из оснований исключения уголовной ответственности, оппоненты же утверждают об указании законодателем отдельного основания освобождения от уголовной ответственности [Антонов, 2011, 48]. Считаю целесообразным придерживаться позиции последних, так как следует согласиться с тем, что в действиях лица, совершенных до добровольного отказа, уже содержатся признаки преступного деяния [Сверчков, 2001, 29], и сам отказ от доведения преступления до конца не может изменить юридическую природу содеянного, оказывая влияние только на уголовно-правовые последствия [Елеонский, 1984, 147].

В правоприменительной практике сложилась тенденция, в соответствии с которой дела о добровольном отказе, как правило, прекращаются за отсутствием состава преступления (ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)³, что создает возможность для злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и сокрытия от учета неоконченных преступлений [Орлова, 2007, 3]. Полагаем, данная ситуация возможна по причине отсутствия фиксации добровольного отказа от преступления в качестве отдельного основания отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела (а потому решение обозначенного вопроса находится в сфере действия не материального, а уголовно-процессуального права). В этой связи представляется более логичным и корректным регламентировать соответствующие положения о добровольном отказе непосредственно в ч. 1

² Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2014 №12-Д13-4 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например, Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.09.2016 N 72-АПУ16-22 // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 24 УПК РФ [Тарханов, 2008, 188], что исключает целесообразность их дополнительного закрепления в тексте УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего исключение или освобождение от уголовной ответственности.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что в теории уголовного права институт добровольного отказа от преступления является весьма дискуссионным, в его легальной конструкции имеются спорные моменты, которые негативно отражаются на практике применения ст. 31 УК РФ, деятельности правоохранительных органов и, в конечном итоге, на состоянии защищенности прав и свобод граждан. Наиболее серьезной проблемой является разграничение добровольного отказа от уголовно наказуемого покушения. Во-первых, нет достаточного, полного законодательного определения критериев добровольности и окончательности отказа, а конкретный вариант интерпретации нормы отдан на усмотрение правоприменителя. Во-вторых, отсутствует единообразный подход к допустимости добровольного отказа на стадии оконченного покушения, что подтверждается как многообразием теоретических разработок, так и проведенным В.В. Питецким исследованием мнения части судейского сообщества.

Полагаем, что существующие противоречия можно разрешить, применив ряд мер. Во-первых, необходимо законодательно проработать дефиницию добровольного отказа от преступления (изложить ч. 2 ст. 31 УК РФ в следующем содержании: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца, а равно своими действиями предотвратило наступление общественно опасных последствий») и внести поправки в ст. 24 УПК РФ в части расширения оснований отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела в целях совершенствования работы органов правопорядка и получения реальной статистики по применению анализируемого элемента уголовно-правового механизма. Во-вторых, следует унифицировать применение нормы УК РФ о добровольном отказе в отношении стадий неоконченного преступления (прежде всего — путем праворазъяснительной работы Верховного Суда РФ) в целях достижения его единообразия.

Считаем целесообразным признать возможность применения добровольного отказа на стадии оконченного покушения в делах с материальным составом, в которых активные сознательные действия субъекта в силу физической природы деяния предотвратили наступление общественно опасных последствий, а также в ряде дел с формальным составом, что следует подробно изложить (привести полный перечень таких составов, а также детализировать условия наличия/отсутствия добровольного отказа на примерах конкретных спорных ситуаций) в форме Постановления Пленума Верховного Суда РФ (по аналогии с тем, как это сделано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19, 2012]).

Библиография

1. Антонов А.Г. Соотношение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и добровольного отказа от совершения преступления // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1. С. 46-50.
2. Дронова Т.Н. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 125-130.

3. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 147.
4. Звечаровский И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца. СПб. 2008. 88 с.
5. Иванов В.Д. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности // Правоведение. 1991. № 1. С. 60-63.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. М.: Юридическая литература, 2004. Т. 1. 496 с.
7. Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 20 с.
8. Панько К.А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 147 с.
9. Пархоменко Д.А. Усмотрение правоприменителя при реализации положений уголовного кодекса Российской Федерации о добровольном отказе от доведения преступления до конца и вследствие деятельного раскаяния // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 95-100.
10. Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 34-36.
11. Плотников А.И. Отграничение добровольного отказа от вынужденного прекращения преступления // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 313-317.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 // "Российская газета". 2012. № 227.
13. Сверчков В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства // Уголовное право. 2001. № 2. С. 28-31.
14. Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Ось-89, 2006. 160 с.
15. Тарханов И.А. Добровольный отказ: юридическая природа и правовое регулирование его последствий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й Международной научно-практической конференции, 24-25 января 2008 г. М.: Проспект, 2008. С. 184-188.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Шакирова А.А. Добровольный отказ от преступления соучастников: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 181 с.
18. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2015. 403 с.

The institution of voluntary refusal of a crime in criminal law of Russia: the contradictions of doctrinal interpretation and legal practice

Daniil N. Markin

student

Saratov state law Academy,
104 Chernyshevsky street, Saratov, 410028, Russian Federation;
e-mail: dan-mark-n@mail.ru

Ruslan M. Ushakov

student

Saratov state law Academy,
104 Chernyshevsky street, Saratov, 410028, Russian Federation;
e-mail: rafikov.ruslan@list.ru

Abstract

The article systematically examines the institution of voluntary renunciation of crime, examines its legal and doctrinal criteria, taking into account the contradictions that arise in practice; provides

the points of view and the main arguments of supporters and opponents of the admissibility of voluntary renunciation at the stages of an unfinished and completed attempt. Based on the analysis of legislation, judicial practice and provisions of the criminal law doctrine, the author's position on the status and prospects of development of this element of the criminal law mechanism is justified. The author identifies the need to eliminate a number of defects in the legal structure of voluntary refusal from crime and suggests appropriate changes to the legislation, and argues for the need to conduct legal explanatory work of the Supreme Court of the Russian Federation.

For citation

Markin D.N., Ushakov R.M. (2019) Institut dobrovol'nogo otkaza ot prestupleniya v ugovnom prave Rossii: protivorechiya doktrinal'nogo tolkovaniya i yuridicheskoi praktiki [The institution of voluntary refusal of a crime in criminal law of Russia: the contradictions of doctrinal interpretation and legal practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (10A), pp. 315-323. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.035

Keyword

Voluntary renunciation of a crime, voluntariness, finality, timeliness, composition of the crime, unfinished crime, attempted crime.

References

1. Antonov A. G. Correlation of special grounds for exemption from criminal liability and voluntary refusal to commit a crime Bulletin of the Vladimir law Institute. 2011. No. 1. Pp. 46-50.
2. Dronova T. N. the Concept and signs of voluntary renunciation of crime Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2011. Vol. 9. Pp. 125-130.
3. Eleonsky V. A. Incentive norms of criminal law and their significance in the activity of internal Affairs bodies. Khabarovsk, 1984. Pp. 147.
4. Zvecharovsky I. E. Voluntary refusal to bring the crime to an end. SPb. 2008. 88 PP.
5. Ivanov V. D. the Concept of voluntary refusal of initiated criminal activity Pravovedenie. 1991. No. 1. Pp. 60-63.
6. Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures. Moscow: Legal literature, 2004. Vol. 1. 496 PP.
7. Orlov A. I. the Voluntary renunciation of the crime: issues of theory and practice: Avtoref. dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. Krasnodar, 2007. 20 s.
8. Panko K. A. Voluntary refusal of a crime under Soviet criminal law. Voronezh: Voronezh publishing House. University press, 1975. 147 PP.
9. Parkhomenko D. A. Discretion of the law enforcement officer when implementing the provisions of the criminal code of the Russian Federation on voluntary refusal to bring the crime to an end and as a result of active repentance Siberian legal Bulletin. 2016. No. 2. Pp. 95-100.
10. Pilecki V. V. Application of rules on voluntary refusal from committing a crime Russian justice. 2008. No. 10. Pp. 34-36.
11. Plotnikov A. I. Delineation of voluntary refusal from forced termination of a crime Actual problems of Russian law. 2007. No. 2. Pp. 313-317.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27.09.2012 Rossiyskaya Gazeta. 2012. No. 227.
13. Sverchkov V. Place of voluntary refusal of a crime in the system of criminal legislation Criminal law. 2001. No. 2. Pp. 28-31.
14. Sitnikova A. I. Preparation for a crime and attempted crime. Moscow: OS-89, 2006. 160 PP.
15. Tarkhanov I. A. Voluntary refusal: legal nature and legal regulation of its consequences Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the 5th International scientific and practical conference, January 24-25, 2008. M.: Prospect, 2008. Pp. 184-188.
16. Criminal code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996: adopted by the Federal state Duma. Coll. Grown. Federation 24.05.1996: approved by the Feder Federation Council. Coll. Grown. 05.06.1996 Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.
17. Shakirova A. A. Voluntary refusal of the crime of accomplices: dis. ... Cand. the faculty of law. sciences'. Krasnoyarsk,

2006. 181 PP.

18. Sheveleva S. V. Freedom of will and coercion in criminal law: dis. ... doctor. the faculty of law. sciences'. Kursk, 2015. 403 PP.